

Данное повествование не является документальным. Имена, люди, места и события — либо плод вымысла, либо используются автором произвольно, и любое сходство имен, как живых, так и умерших людей, названий организаций и мест, событий, — результат случайного совпадения.

ПЛЕЙ-ЛИСТ

- «One Last Time» — Ariana Grande
- «Psycho» — Post Malone
- «Let Me Down Slowly» — Alec Benjamin
- «Waves» — Mr. Probz
- «Fake Love» — BTS
- «To Build A Home» — The Cinematic Orchestra
- «You Oughta Know» — Alanis Morissette
- «Ironic» — Alanis Morissette
- «Bitter Sweet Symphony» — The Verve
- «3AM» — Matchbox Twenty
- «Call Out My Name» — The Weekend
- «Try Me» — The Weekend
- «Beautiful» — Bazzi
- «Leave A Light On» — Tom Walker
- «In the Dark» — Camila Cabello
- «Legends» — Kelsea Ballerini

Гуго де Сент-Винсенту

*Надеюсь, в этой книге ты увидишь страсть
и будешь и дальше мною гордиться.*

Я страшно по тебе скучаю.

*Постараюсь пить побольше красного вина –
за тебя.*

Покойся в мире.

Глава 1

КАРИНА, 2019

Всякий раз, как открывается со скрипом старая деревянная дверь, в кофейню влетает ветер. Для сентября необычайно холодно; наверное, вселенная решила наказать меня за то, что я согласилась встретиться с ним именно сегодня. О чем я только думала?

Я едва успела замазать круги под глазами. А одежда, которая на мне, — когда ее в последний раз стирали? Опять же, о чем я вообще думала?

Сейчас-то я думаю о том, как болит голова, а я не знаю, есть ли в сумке таблетки. А еще о том, что удачно села у дверей; если понадобится — смогу быстро выскочить. Кофейня? Скромное местечко, романтика отсутствует напрочь. Тоже правильно выбрала. Я была здесь лишь несколько раз, но это моя любимая кофейня в Атланте. Зал маленький, всего десять мест, поэтому долго засиживаться нежелательно. Есть тут пара вещей, которые стоило бы сфотографировать и куда-нибудь выложить: панно из живых суккулентов, красивая черно-белая плитка на стене бара, од-

нако в целом интерьер строгий. Серого бетонного цвета. Шумят блендеры, перерабатывают фрукты, или из чего там сейчас делают сок...

Единственная скрипучая дверь — через нее и входят, и выходят. Я поглядываю на телефон и вытираю ладони о свое черное платье.

Обнимет ли он меня? Или захочет ли пожать руку? Нет, такой официальный жест трудно представить...

Проклятье. Я тут себя накручиваю, а его даже нет еще. Четвертый раз за сегодня у меня в груди поднимается страх, и я вдруг понимаю, что всякий раз, думая о нашей встрече, представляю его таким, каким увидела впервые. А ведь неизвестно, какая его версия явится. Мы не встречались с прошлой зимы, и я понятия не имею, кем он стал. Да и вообще — знала ли я его?

Наверное, я знала лишь одну версию — яркую пустую оболочку. Я могла бы с ним не встречаться, но перспектива больше никогда его не увидеть — хуже, чем сидеть сейчас здесь. И вот я грею руки о чашку с кофе, дожидаясь, когда он откроет скрипучую дверь, — и это после того, как я клялась и ему, и себе, и всякому, кто вообще меня слушал в последние месяцы, что никогда в жизни...

До назначенного времени еще минут пять. Если он похож на того, прежнего, то опоздает и прошествует ко мне с хмурым видом.

Дверь распахивается, но входит женщина. Маленькая голова, короткие светлые волосенки торчком; у красной щеки — мобильник.

— Да мне пофигу, Гоуи! Сделай, и все! — рывкает она и, выругавшись, убирает телефон.

Ненавижу Атланту. Народ здесь вечно на нервах, вечно в спешке. Раньше так не было... а может, и было. Все меняется. Раньше мне здесь нравилось, особенно в центре города. Еда в ресторанах выше всяких похвал, и для гурмана, живущего в маленьком городке, одной этой причины достаточно, чтобы сюда переехать. В Атланте есть чем заняться, и все здесь закрывается гораздо позже, чем в окрестностях Форт-Беннинга¹. А больше всего меня радует отсутствие постоянных напоминаний о военной службе. Никто не ходит в камуфляже. Народ в кино, на заправках, в закусочных — в нормальной одежде. Говорят тут не аббревиатурами, а человеческими словами. И прически всякие-разные, приятно посмотреть.

Я любила Атланту, а он все испортил.

Мы вместе испортили.

Мы.

Лишь до этой степени я готова признать долю своей вины в том, что все порушилось.

¹ Форт-Беннинг — военная база США на территории штатов Джорджия и Алабама. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Глава 2

— Куда смотришь?

Всего два слова, но они обволакивают меня, переполняют, потрясают все мои чувства и каждое в отдельности. А еще на меня снисходит покой, который я неизбежно ощущаю в его присутствии. И поднимаю глаза — убедиться, что это он, хотя и так знаю. Конечно, стоит надо мной, не сводя карих глаз с моего лица в поисках... воспоминаний? Лучше бы он так не смотрел.

Народу в небольшом зале полно, а кажется, будто вокруг пусто. Нашу встречу я заранее отрепетировала, но он сорвал сцену, и я растерялась.

— Как у тебя это получается? — спрашиваю я. — Я не видела, как ты вошел.

Боюсь, мой голос звучит излишне сурово или нервно. И все же удивительно — как он так ухитряется? Он всегда хорошо умел молчать, а еще незаметно передвигаться. Качества, воспитанные армией.

Жестом приглашаю его сесть. Он опускается на стул, и тут только я замечаю, что у него борода. Четкой линией она обрамляет скулы, закрывая нижнюю часть лица. Это что-то новое. А как же — он всегда соблюдал правила. Волосы полагалось стричь коротко и тщательно причесывать. Усы разрешались — небольшие, не ниже верхней губы. Он как-то подумывал отрастить усы, но я его отговорила. На таком лице усы выглядят пошлово.

Он берет со столика меню.

Капучино. Макиато. Латте. С молоком. Черный.

Когда это все стало так сложно?

Даже не пытаюсь скрыть удивление.

— Ты полюбил кофе?

Он качает головой.

— Нет.

На суровом лице появляется полуулыбка — и я сразу вспоминаю, почему в него влюбилась. Мгновение назад я могла смотреть в сторону. Теперь — нет.

— Не кофе. Чай.

Он без пиджака, рукава джинсовой рубашки закатаны выше локтей. На предплечье видна татуировка. Дотронься я до его кожи — обожгусь или нет? Конечно, я этого ни в коем случае не сделаю и потому перевожу взгляд куда-то поверх его плеча. Подальше от татуировки. Подальше от воспоминаний. Так безопасней для нас обоих. Я прислушиваюсь к окружающим звукам, пытаюсь свыкнуться с молчанием. Я и забыла, как может угнетать его присутствие.

Неправда. Ничего я не забыла. Хотя и хотела бы. По каменному полу цокают сабо — официантка. Писклявым голоском заявляет, что он «категорически обязан» попробовать новый мятный мокко, и мне смешно: я помню, как он ненавидит мятный вкус, даже в зубной пасте. Помню розовые ошметки пасты с корицей в раковине — и как мы из-за них цапались. И почему я не наплевала на мелкие обиды? Уделяй я